

Татьяна М. Симонова

Дмитрий Философов в эмиграции: Диалог культур и практика борьбы

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern Europe 2, 381-390

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

POLSKA – ROSJA: SZTUKA I HISTORIA
 ПОЛЬША – РОССИЯ: ИСКУССТВО И ИСТОРИЯ
 ТОМ II

Татьяна М. Симонова

Российский университет театрального искусства, Москва

Дмитрий Философов в эмиграции: Диалог культур и практика борьбы

Дмитрий Философов¹ родился в семье первого военного прокурора России В. Д. Философова (1820–1894) и общественной деятельницы А. П. Дягилевой (1837–1912) и вырос в атмосфере глубокого уважения к русской и мировой культуре. Мать Дмитрия стояла у истоков женского движения в России, была в числе учредителей Высших (Бестужевских) курсов в 1878 г., участвовала в обсуждении вопроса о воскрешении независимости Польши как о первоочередной задаче свободной России.² Вместе с друзьями детства (А. Н. Бенуа, К. А. Сомовым, В. Ф. Нувель и др.) поступил на юридический факультет Петербургского университета, стажировался в Гейдельбергском университете, пробовал себя в публицистике.³ С двоюродным братом С. П. Дягилевым организовал кружок Мир искусства, редактировал литературный

отдел одноименного журнала (1899–1904), принимал участие в издании религиозно-философского журнала „Новый путь”. Бывал на *средах* Вяч. И. Иванова, выражал идеи мистического анархизма,⁴ сблизился с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус и как корреспондент левокадетской газеты „Страна” в феврале 1906 г. вместе с ними выехал в Париж, где познакомился с Б. В. Савинковым.⁵

Вяч. И. Иванов писал в начале XX века: „поляки – самые опрометчивые и самые вещие из славян, и необычайною прелестью и теплотою действительно пробужденной духовной жизни, как чем-то родным, желанным и заветным, дышит на русскую душу этот подслеповатый к действительности, не умеющий всесторонне охватить и опознать ее, пыл, этот – если позволено так выразиться – соборный субъективизм, меряющий историю летосчислением ангелов”.⁶ Ощущение единства в польском народе, осознание себя единым целым в эпоху тяжелейших испытаний периода разделов (соборный субъективизм), безусловно, сформировались под силь-

¹ Тема о жизни и деятельности Дмитрия Философова уже получила рассмотрение в ряде серьезных работ польских и российских исследователей. Основную библиографию автор приводит в статье: Симонова (2007: 53). Автор опубликовал также: Симонова (2009b: 583–585); Симонова (2010: 171–201).

² Бялокозович (1988: 157).

³ С 1897 г. публиковался в „Северном вестнике”, „Образовании”, „Журнале министерства юстиции” и др.

⁴ Философов (1912: 7).

⁵ Колоницкий (1992: 189).

⁶ Иванов (1987: 660–661).

ным (возможно – определяющим) влиянием практической и творческой деятельности Великой эмиграции. П. Лавринец обратился к анализу мотива в творчестве Философова, сформировавшегося в последний период его деятельности в Польше: о смысле „безнадежной борьбы” и ее „неутешительных итогах”.⁷ В результатах политической деятельности к концу жизни русский эмигрант был разочарован: неуспех в создании антисоветских формирований, дипломатические итоги советско-польской войны, сложности в отстаивании правовых норм положения русских беженцев и эмигрантов в Польше, недостаточная активность русской эмиграции в борьбе с большевистским режимом и пр. – не вызывали оптимизма и надежд на будущее.

Объективный анализ архивных документов периода 1920-х гг. из российских архивов позволяет поставить под сомнение его самооценку как „неуспешную”. Мы знаем, что Февральскую революцию он воспринял как „праздник Воскресения русского народа”, Октябрьскую революцию не принял, назвав ее „безумием, пляской св. Вита” русской души, охваченной „собачьим бешенством”.⁸ Ему вторил Мережковский: „люди забыли Бога!”.⁹ Мотивы к политической эмиграции Философова из большевистской России становятся очевидны из его Дневника,¹⁰ в июле 1921 г. в газете „Последние известия” несколькими штрихами он дал срез трагического положения науки и культуры в большевистской России в условиях голода: „сколько первоклассных ученых на моих глазах перетаскали из Публичной библиотеки в концентрационные лагеря”. „М. Ф. Андреева с деланной наивностью сообщает в иностранных газетах, что цвет русской науки и искусства остался в России и благоденствует”.¹¹ „Я хорошо помню, как они благоденствовали при мне. Как Бенуа приходил ко мне с опухшими руками, в драных галошах, с мокрыми ногами, как он писал для своего эксплуататора Гржебина историю искусств, писал при свете огарка в холодной кухне... Добужинский же радовался, когда ему давали муки на клейстер. Все-таки можно съесть...”. И дело было не только

в нищете, холоде и голоде, „дело в рабстве. Русские ученые, художники и писатели, оставшиеся в России, пребывают в самом жестоком рабстве, они потеряли самое ценное – чувство человеческого достоинства”.¹² 24 декабря 1919 г. он с Мережковским, Гиппиус, В. А. Злобиным выехал в приграничную полосу с командировками на руках, „кровью и потом добытыми”, „для чтения лекций среди красноармейцев по истории литературы и искусства”,¹³ а 1-го января 1920 г. перешли польскую границу.

На основе документальных источников, впервые введенных в научный оборот и частично опубликованных автором статьи,¹⁴ можно утверждать, что Философов развил титаническую работу в Польше: он был не только ярким и бескомпромиссным публицистом, активно сотрудничал с польским генеральным штабом в период подготовки и организации антисоветских формирований в Польше, представлял группу Б. Савинкова в Польше и за рубежом. Мережковский и Философов вошли в состав эмигрантского Русского политического комитета (РПК)¹⁵ под руководством Б. Савинкова, придав ему „не столько политический, сколько общественный вес в польском общественном мнении”.¹⁶ Философов занимал должность товарища председателя РПК¹⁷ в период с июля 1920 по август 1921 гг.¹⁸ В газете „За свободу” с 11 мая 1921 г. вплоть до конца 1927 г. (окончания операции чекистов „Трест”) развернул кампанию по расследованию деятельности провокатора Оперпута, получая информацию из второго отдела польского Генштаба и др.

В условиях колоссального наплыва беженцев из Советской России в Польшу возникла необходимость в решении сложного комплекса беженских проблем.¹⁹ Важнейшим направлением деятельности Философова было их урегули-

¹² Философов (1921).

¹³ Мережковский, Гиппиус, Философов, Злобин (1922: 159).

¹⁴ Симонова (2012).

¹⁵ РПК рассматривали в качестве ядра будущего русского антибольшевистского правительства.

¹⁶ Вендзягольский (1963: 168).

¹⁷ Позже – Русский эвакуационный комитет (РЭК).

¹⁸ РГВА (1921: лл. 1, 19).

¹⁹ Подробнее различные аспекты деятельности Д. В. Философова в этом направлении рассмотрены в ряде работ автора настоящей статьи. См., например: Симонова (2001: 170–180); Симонова (2006: 256–258); Симонова (2007: 53–70); Симонова (2007а: 75–81); Симонова

⁷ Лавринец (2006: 74).

⁸ Колоницкий (1992: 190).

⁹ Философов (1912: 39).

¹⁰ Колоницкий (1992).

¹¹ Имелись в виду А. Бенуа, М. Добужинский и все, кто остался в России.

рование в польских государственных структурах. Несколько раз он лично посещал лагеря и направлял обращения по разным адресам, в том числе – в Восточный отдел министерства иностранных дел Польши под руководством М. Шумляковского: „насколько тяжелы условия в лагере у города Тухолы, можно судить по тому, что по имеющимся сведениям, во время пребывания там пленных красноармейцев, последних умерло более 20 000 человек”.²⁰

С февраля 1921 г. польское представительство Земско-городского комитета под руководством П. Э. Бутенко²¹ вошло в контакт с Российским Попечительным комитетом об эмигрантах в Польше (РПКЭ), председателем которого был В. В. Уляницкий, но неформальным лидером – Философов: на его имя и за его подписью составлялись отчеты о деятельности комитета.²² В частности, из отчета за 1923 г. можно узнать, что работа проводилась в 27 пунктах размещения русских беженцев и эмигрантов, не считая рабочих артелей. РПКЭ занимался вопросами о выселении неугодных советскому полномочному представительству эмигрантов, переселения желающих во Францию; оказывал все виды помощи беженцам: культурно-просветительную, правовую, трудовую, жилищно-питательную, денежную и материальную (одеждой, бельем, предметами быта и пр.). При поддержке Земгора и РПКЭ были организованы школы, детские сады, хоры, инструментальные ансамбли,²³ в Варшаве действовала балетная школа артистки Мариинского театра А. П. Домерщиковой и пр.²⁴ Прошения в польские инстанции, исходящие из обеих структур, стали легитимными для определения статуса беженца. В феврале 1923 г. министр внутренних дел приказал интенсифицировать выселение беженцев, Земгор и РПКЭ обратились в МВД Польши, в Лигу Наций с просьбой оградить русских от насильственной депортации из страны. В июне 1923 г. вопрос о насильственном выселении русских беженцев из Польши стал предметом рассмо-

трения Лиги Наций. В 1924 г. депортирование беженцев в Советскую Россию было прекращено. В марте 1924 г. МВД признал за бывшими интернированными право автоматического получения карт азилия. Начало этому процессу положил Философов в контакте с военным руководством Польши и МИД.²⁵ Как самого авторитетного представителя русской эмиграции в Польше, члены Малого совещания РЭК²⁶ постановили делегировать Философова в Комитет помощи голодающим в России.²⁷ Отметим, что Б. Савинков не был столь же популярен в широких кругах русского беженства, являясь искусственно политизированной фигурой, не проявлявшей особого интереса к культуре страны пребывания.²⁸ Именно Философов был автором петиций, воззваний, деклараций европейским правительствам и государственным деятелям.

Союз Возрождения России (СВР), созданный в Москве весной 1918 г. для возрождения демократической страны, в эмиграции организовал региональные отделения, осенью 1920 г. Философов стал председателем его Варшавского комитета.²⁹ В феврале 1921 г. Философов констатировал: „период вооруженной борьбы закончился неудачей”; в новых условиях беженство и эмиграция должны были объединиться „не на основе общей ненависти к большевикам, но на основе любви, общей положительной программы”; сохранить чувство национальной идентичности, т.к. „величие нации заключается не в территориальных расширениях, а в ценности, глубине и возвышенности ее культуры”.³⁰ Гражданская война и вооруженное сопротивление

²⁵ РГВА (1921: л. 19).

²⁶ В составе: Борис Савинков, Д. Философов, Д. Одинец, А. Деренталь, В. Уляницкий, Виктор Савинков.

²⁷ РГВА (1921: л. 33).

²⁸ „Савинков, – по утверждению К. Вендзягольского, – ...чужеземцев не любил, в особенности англичан и поляков, отдавая предпочтение, может быть, лишь французам”. См.: Вендзягольский (1962: 198).

²⁹ Программные положения СВР включали следующие требования: сохранение единства России при признании законных стремлений народов, образовавших самостоятельное государство; оказание содействия тем народам, которые выразят стремление к образованию своего государства; возрождение России в форме федерации или конфедерации; отрицание военной интервенции и привилегий дворянского класса; признание права крестьян на землю; а после свержения советской власти – развитие демократических прав, защиту интересов рабочих, установление республики после созыва Учредительного собрания, которое разогнали большевики. См.: Философов (1921b).

³⁰ Философов (1921b).

(2008: 77–106); Симонова (2009: 26–29); Симонова (2009а: 207–246); Симонова (2011: 180–193).

²⁰ ГАРФ (1921а: лл. 24–28).

²¹ ГАРФ (1921: л. 309).

²² ГАРФ (1921b: лл. 2–2 об).

²³ Например, ансамбль балалаечников в Тухоле, который в полном составе выехал во Францию в 1924 г., где стал популярным и успешным.

²⁴ Отчет (1923).

ние большевикам не решили поставленную задачу восстановления демократической России: „на фронтах все – монархисты и республиканцы, демократы и социалисты... – верили в святость общего дела,... теперь мы увидели, что творилось в тылу Добровольческой армии,... в этом хаосе росли беззаконие и бесправие, произвол и насилие, спекуляция и взяточничество, хищение и грабеж...”³¹

Необходимо было „прислушаться к голосу русских низов, и понять, почему они молчали до сих пор”, ибо „нельзя начинать с верхов, когда низы безмолвствуют”.³² Он исходил из крестьянского характера Февральской революции, которая „дала крестьянину свободу”, ставил цель борьбы за „свержение большевистского самодержавия”³³ и создание „третьей России” (по выражению Дмитрия Мережковского), вне зависимости от территории в нее входящей, поскольку величие нации – не в расширении территории, а „в ценности, глубине и возвышенности ее культуры”. На повестку дня вставала задача „культурного воспитания русской эмиграции... и сохранения тесной связи с наиболее здоровой и жизненно крепкой частью русского народа – крестьянством”.³⁴

Философов отмечал, что Л. Карахан, полпред СССР в Польше, преследует группу русских эмигрантов „именно за то, что она друженски расположена к Польше, что она раскалывает русское общественное мнение и мешает германским интригам”.³⁵ В день высылки из Варшавы савинковцев Философов подчеркнул, что варшавская группа „не только устояла на ногах, но и внутренне окрепла... Наша связь с Россией нерушима... Карахан навредил не нам, но русско-польскому сближению”.³⁶ До ареста Б. Савинкова и его „покаяния” на Лубянке Философов отстаивал необходимость создания единого фронта в эмиграции „для подготовки к принятию на себя бремени по энергичному участию в строительстве России по возвращении в нее”. Беженцы – считал он – „усталые люди, мечтающие вернуться к родным местам, но лишь тогда, когда настанет порядок, установленный не ими”.

Иную роль должны сыграть политические эмигранты: „те, кто ушел из Советской России чтобы бороться с большевиками,... идейные, всецело отдавшиеся делу борьбы”.³⁷ В условиях роста польского национализма в первые годы первой Польской республики³⁸ культурной программой русских эмигрантов в Польше продолжал оставаться диалог культур – как основа построения демократической „третьей России”. Именно в этот период Философов обратился к опыту Великой эмиграции: „если Польша за полтора года своего небытия все-таки была, существовала, и поляки могли гордиться ею, то во многом потому, что у нее были Мицкевич, Словацкий, Красинский, Выспянский, Жеромский и многие другие”.³⁹ Не все круги молодой польской республики с восторгом относились к востребованности русской культуры в Польше: ее уровень был высок, в русской части Польши сохранились тесные связи с нею. В 1924 г. в газете „Жечпосполита” была помещена знаковая статья „Москалемания а rebours” о „засилии” русской культуры в Польше и Европе: были перечислены такие фамилии, как А. Вертинский, И. Северянин, артист эстрады Виктор Хенкин и другие популярные личности. Философов „дело борьбы за русское национальное меньшинство в Польше” считал „не только местным, маленьким делом”, но работой „во имя идеалов всемирной культуры, во имя умиротворения послевоенного мира”,⁴⁰ ставил вопрос о его официальном признании. В апреле 1925 г. заместитель премьер-министра и председатель секции политического комитета Совета министров по делам нацменьшинств Ст. Тугутт так комментировал ситуацию: „русские в Польше не представляют собой национального меньшинства и они не должны притязать на то, чтобы иметь права, равные с народностями, имеющими соответствующую территорию”.⁴¹

Философов проявлял бескомпромиссность и, в случаях проявления негативного отношения к русской культуре и ее представителям, выступал с резкой критикой проявлений русо-

³¹ Р.П.Х. (1921).

³² Философов (1921d).

³³ Философов (1921f).

³⁴ Философов (1921b); Философов (1921f).

³⁵ Философов (1921e).

³⁶ Философов (1921c).

³⁷ Философов (1924).

³⁸ Убедительный исторический и культурологический анализ этого явления дали польские и российские исследователи. См., например: Pogonowska (2002); Janion (2006).

³⁹ Философов (1923).

⁴⁰ Философов (1925a).

⁴¹ Философов (1925h).

фобии, шовинизма и самохвальства.⁴² Политический компонент польско-советских отношений, историческая память не способствовали изучению взаимоотношений не только между двумя литературами,⁴³ но в целом – культурами двух народов. Польский *genius loci* в диалоге культур с целью постижения опыта и практики польских освободительных традиций и борьбы за свои национальные ценности влиял на жизнь и становление русской эмиграции: „самый яркий москалефоб из поляков признает, что за 5 лет своих мытарств русская эмиграция сумела занять достойное положение в Польше”. Постоянная борьба за права русских в Польше и успехи, которые были достигнуты, позволяли Философону надеяться на возвращение в Россию. Эту мысль он развивал в периоды празднования общенациональных юбилеев; в связи с 10-летним юбилеем начала Первой мировой войны Философов призвал к „созданию единого фронта для подготовки к принятию на себя бремени по энергичному участию в строительстве России по возвращении в нее”; „быть на страже русской культуры, хранить ее лучшие заветы и с ее почетным знаменем в руках вступить в общение с представителями культуры польской”... которая „сохранила свой индивидуальный облик и достойна самого внимательного изучения”.⁴⁴

История русской Академической группы, в отношении которой Министерство народного просвещения в конце 1923 г. возбудило уголовное преследование,⁴⁵ весьма показательна. Доносилось, что группа способствует накоплению за границей „православной молодежи, настроенной враждебно по отношению к Польше”. Группу обвинили „в открытии без соответствующего разрешения учебного заведения”.⁴⁶ К ответственности привлекли П. Э. Бутен-

ко, генерала П. Н. Симанского, профессора А. Д. Соколькова, Д. В. Философова и др. Занятия для русской молодежи⁴⁷ проходили по типу Академических групп в Праге, Париже и других центрах русского рассеяния. Экзамены для получения академического аттестата, необходимого для поступления в польский ВУЗ,⁴⁸ проводились открыто, аттестаты подписывали ведущие ученые, включая профессора Варшавского университета Л. И. Петражицкого,⁴⁹ который стал посредником между Академической группой и Министерством. На одном из заседаний суда заявил, что „считает своим моральным долгом помочь русской молодежи, бежавшей из Совдепии и лишенной всех своих документов”.⁵⁰ Обвинение в адрес группы было отклонено судом, что вызвало многочисленные отклики в печати: Т. Голувко в газете „Работник” выразил надежду, что Польша изменит свое отношение к эмигрантам.⁵¹ Благожелательные статьи по отношению к русской молодежи поместили „Газета Варшавска”, краковский журнал „Святовид” и др. издания. После этой акции в конце марта 1925 г. состоялся Первый съезд русских деятелей народного образования, на который были приглашены профессор Л. И. Петражицкий, польский публицист Л. С. Козловский, депутаты Сейма и Сената, представители Грузинского и Украинского комитетов, Общества высшей и средней школы Польши, Общества польских учителей, Русской Академической группы, русских эмигрантских комитетов, редколлегия газеты „За свободу”.⁵² Бескомпромиссность Философова заставляла его остро реагировать на все выпады против русской диаспоры в Польше: „никто не ведет такой антипольской пропаганды, как сами поляки”.⁵³ „Нельзя не протестовать, когда на русских, как из рога изобилия сыпется целый ряд арестов по обвинению в шпионаже, когда вид-

⁴² Лавринцев (2006а: 380).

⁴³ Хорев (2011: 207).

⁴⁴ Философов (1924).

⁴⁵ На основании сообщения в Министерство народного просвещения и опеки из Волинского учебного округа о „нелегальной деятельности академической группы антигосударственного характера”.

⁴⁶ На основании ст. 290, ч. 1. Уголовного уложения 1903 г. Российской империи, которое в тот период времени продолжало действовать в русской части Польши. Как известно, редакционную комиссию Уложения возглавлял известный русский юрист Н. С. Таганцев, сын которого вместе с участниками группы, в том числе – Н. Гумилевым, в 1921 г. был расстрелян по делу Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева („Дело Н. С. Таганцева”).

⁴⁷ Лица, утерявшие аттестаты, выпускники гимназий императорской России и эмигранты, окончившие польские школы, не имели права поступления в польские ВУЗы.

⁴⁸ По мысли Академической группы и по прецеденту в других странах Европы.

⁴⁹ Профессор покончил жизнь самоубийством 15 мая 1931 г. из-за нарастания польской русофобии и национализма.

⁵⁰ Философов (1925g).

⁵¹ Философов (1925b).

⁵² Философов (1925с).

⁵³ Философов (1925b).

ных представителей привлекают к судебной ответственности, нещадно штрафуют”.⁵⁴ В ответ „Газета Варшавская” посоветовала Философову „держат язык за зубами, ибо его статьи пишутся таким образом, будто он старается утвердить Министерство просвещения в том убеждении, что оно поступило правильно, начав преследования против Русской Академической группы”.

Особое внимание Философов уделял вопросу взаимосвязи и взаимообогащения культур: „так же, как красоту своего языка, богатство его познаешь, изучив чужой язык, так же и мы, христиане, непрестанно делаем злое пред очами Господа, познаем внутреннюю красоту своей религии, поняв истоки ее, религию Израиля. Слишком легко мы забываем, что как бы половина религиозных сокровищ у нас с евреями общая, и что Иисус из Назарета переживал ту же трагедию, что и всякий современный благочестивый еврей”.⁵⁵ Философов отмечал наличие „русофильского настроения еврейского населения восточных областей на протяжении белорусско-украинской границы”.⁵⁶ Значительное внимание русская газета уделяла лучшим достижениям польской культуры (литература, театр, издательское дело). По поводу постановки в Национальном театре комедии С. Жеромского⁵⁷ Философов писал: „перед зрителем выступила прекрасная польская, славянская душа всеми ее духовными возможностями... ее сложная простота, целомудренная стыдливость, ее страдания”;⁵⁸ он отмечал рост интереса поляков к России, приводя в пример издание перевода *Евгения Онегина* с предисловием молодого ученого В. Ледницкого;⁵⁹ подчеркивал необходимость установления прочной связи русской эмиграции с Польшей, ее традициями и культурой. М. Домбровская характеризовала его как глубокого знатока творчества столпов польской литературы (А. Мицкевича, Ю. Словацкого, Ст. Жеромского), „европейца, либерала, прекрасного писателя и независимого человека,... благородного, честного, доброжелательно на-

строенного по отношению к Польше”, сравнивала его жизнь с жизнью в эмиграции польского мыслителя XIX в. И. Лелевеля.⁶⁰

Философов был жестким и последовательным антимарксистом: „у большевиков свой иррациональный мистический символ веры: «верно, что Бога нет», «только святой пролетарий – человек», «святой пролетарий может устроить Царство Божие на земле только убив Бога, и для достижения этой святой цели все средства хороши... вплоть до антропофагии»”. Обещанное большевиками „царство Божие” на земле он сравнил с „грандиозным нужником”, подчеркнув, что этот умелый пиар-ход большевиков „был основан на искании заложенной в «малых сих» жажде правды, справедливости, равенства”.⁶¹ „коммунизм родился в блевотине войны... это не социальная революция, а грандиозный холерный бунт. После долгого периода политических и военных испытаний, мы решительно отучились сеять, умеем только пожинать. Разучились строить, живем как свиньи. Архитектурный стиль эпохи – не Парфеноны, Кельнские соборы, виллы Палладио, а бетонные бараки, концентрационные лагеря... Пирамиды сохранились, а от наших барачков через сорок веков останется куча мусору...”.⁶² Накануне майского переворота 1926 г. в газете „За свободу” была перепечатана его ранняя статья „Неугасимая лампада”:⁶³ „народ русский может дойти до последнего унижения, зверства,... если бури и бедствия до сих пор не погасили неугасимой лампы, то жива еще русская земля и наступит время, когда русский народ возьмет одр свой и пойдет”.⁶⁴

С 1929 г. он стал почетным председателем и принимал регулярное участие в организации и функционировании Литературного сотрудничества в Варшаве.⁶⁵ На фоне полосы признания СССР мировыми державами с конца 20-х годов Философов разворачивает публичную протестную деятельность в форме „Дней непримиримости”. Призывом к акции стало послание

⁵⁴ Философов (1925).

⁵⁵ Статья была написана по поводу постановки легенды еврейского писателя и драматурга С. Ан-ского *Дыбух*. См.: Философов (1925d).

⁵⁶ Философов (1924).

⁵⁷ *Улетела моя птишечка*.

⁵⁸ Философов (1925f).

⁵⁹ Философов (1925e). Подробнее о Вацлаве Ледницком см.: Хорев (2011: 204–220).

⁶⁰ Dąbrowska (1988: 83–84).

⁶¹ Философов (1926a).

⁶² Философов (1926b).

⁶³ Впервые была опубликована в газете „Русская мысль” в 1910 г. в день Светлого Воскресения (Пасхи), см.: Философов (1926).

⁶⁴ Философов (1926).

⁶⁵ Гомолицкий (1934: 243).

митрополита Антония⁶⁶ в октябре 1927 г. отметить день 7 ноября как День Непримируемости и Скорби.⁶⁷ Именно в Польше впервые идея митрополита была реализована в 1930 г.,⁶⁸ когда Российский общественный комитет (РОК) во главе с Философовым выступил инициатором всезарубежного Дня непримируемости; он поддерживал эту инициативу постоянно, направляя обращения к русской эмигрантской общественности через эмигрантский журнал „Часовой”, заложив традицию проведения Дней непримируемости в Русском Зарубежье.

Полпред СССР в Польше В. А. Антонов-Овсеенко, прибывший на место устранившегося в результате покушения полпреда П. Л. Войкова в 1930 г., потребовал высылки редактора газеты „За свободу” из Польши за деятельность, которая „«осложняет взаимоотношения» между двумя государствами”,⁶⁹ выступил против разрешения польским правительством организовать публично антисоветскую кампанию 9 ноября в форме „Дня непримируемости”,⁷⁰ как антисоветской кампании: „попустительством польских властей, в Варшаве вновь создается атмосфера, порождающая Каверд”.⁷¹

Подводя итоги своей работы в последнем номере газеты „За свободу”,⁷² Философов подчеркнул, что „знамени своему газета ни разу не изменила”: ее задачей была „непримируемость с большевиками и борьба с ними, с их влиянием вне России”.⁷³ Значение опыта польской эмиграции Философов подчеркивал особо: в ней столько „для нас, эмигрантов русских, поучительного и, скажу прямо, утешительного”.⁷⁴ В русской эмиграции, как отметил В. Станиславский, имели место два подхода в культурной деятельности – антикварный (нацелен на консервацию прежних культурных ценностей) и „обогащающий” ценностями культуры другого народа, в первую очередь – польского. Второй подход

демонстрировал Философов: его „усилия не прошли... бесследно и имели большое значение также для польской культуры”.⁷⁵ Философов отмечал определенную сакрализацию выдающихся деятелей Великой польской эмиграции, прежде всего – Мицкевича. С помощью создания „культура героя” группа (народ – Т. С.) утверждает свою специфичность,⁷⁶ без этого этапа в своем развитии не обошлось ни одно национальное движение. Сакрализация польских писателей и поэтов – эмигрантов вполне вписывается в этот процесс.⁷⁷ В жизни русской эмиграции первой волны видны аналогичные процессы: страстное намерение изгнанников сохранить признаки национальной идентичности вызывали к жизни такие явления, как общеэмигрантские (национальные) Дни русской культуры, празднования юбилеев Петра Первого, Льва Толстого, Александра Пушкина и других представителей истории и культуры, а также Дня русских студентов – Татьянинного дня (26 января), другие акции. В программной статье о задачах русской эмиграции в первом номере журнала „Меч” в условиях, когда СССР и большевистское правительство были признаны де-юре подавляющим большинством государств и когда в эмиграции подросло новое поколение, теряющее свой „быт, национальный облик, язык”, а „злые старички” уходили в мир иной, перед эмиграцией встали новые задачи. Философов выделил несколько составляющих новой позиции эмиграции: „активизм”, как „борьба на широком фронте” (литература, искусство, общественность, политика); как выработка общего языка для всей эмиграции для воплощения общей идеи: „антикоммунизм” (антиматериалистический и антимарксистский).⁷⁸ Гражданская позиция Философова отличалась бескомпромиссностью, для аргументации ее он использовал пример активизма Адама Мицкевича, подвергнутого критике после разгрома восстания 1830–1831 гг. со всех сторон. Близкой душе Философова оказалась мысль Мицкевича о „сердцах людей чувствующих”, указанием к действию для которых является „сознание долга”, а не рассудительные софистические рассуждения.⁷⁹ „Живым воплощением” польского

⁶⁶ Храповицкого, председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ).

⁶⁷ Иванов (2002).

⁶⁸ В Сербии такая акция впервые состоялась только в 1937 г., поскольку военная Бела Эмиграция отмечала более важную для нее дату – 15 ноября, День создания Добровольческой армии.

⁶⁹ АВП РФ (1930: л. 37).

⁷⁰ АВП РФ (1930: л. 115).

⁷¹ АВП РФ (1930: л. 116).

⁷² Философов (1932а).

⁷³ Философов (1932б).

⁷⁴ Философов (1932).

⁷⁵ Станиславский (2002).

⁷⁶ Czarnowski (1956: 13–31, 234).

⁷⁷ Васильев (2009: 56–68).

⁷⁸ Философов (1934).

⁷⁹ Философов (1934а); Лавринцев (2006: 74–82).

активизма Философов считал своего современника – маршала Пилсудского.⁸⁰

Подводя итоги, отметим, что опыт Великой польской эмиграции представлялся Философову в последний период его жизни исключительно важным. Антибольшевистская и антисоветская политическая и публицистическая деятельность в первый период его деятельности в Польше неизменно сочетались с тяжелой практической работой. „Борьбу с коммунизмом и большевизмом” (антикоммунизм, антиматериализм, антимакиавизм) он ставил на первое место в тот период времени, когда „подготовка грядущего польско-русского сближения” отступала на второй план, как долгосрочная задача в контексте происшедших в России перемен – отсутствия настоящей России.⁸¹ После ухода Б. Савинкова с политической арены и глубокого разочарования в этом историческом персонаже он становится фактическим лидером русской политической группы. Представляется, что именно успехи в практической деятельности в некоторых рассмотренных выше направлениях, обеспечили ему заслуженный высокий авторитет в среде польской интеллектуальной и государственной элиты и в среде русской эмиграции и беженства в Польше в 30-е годы.

Архивные источники

- АВП РФ 1930 = Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Москва, ф. 09, оп. 5, пор. 34, д. 44, „Переписка полпреда в Польше В. А. Антонова-Овсенко с Наркоматом по иностранным делам в 1930 г.”, лл. 37, 115, 116.
- ГАРФ 1921 = Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва, ф. 5814, оп. 1, д. 4, „Протокол заседания Земско-Городского комитета в Варшаве от 20 февраля 1921 г.”, л. 309.
- ГАРФ 1921а = ГАРФ, Москва, ф. 5814, оп. 1, д. 25, „Письмо Д. В. Философова М. Шумляковскому от 14 сентября 1921 г.”, лл. 24–28.
- ГАРФ 1921б = ГАРФ, Москва, ф. 5814, оп. 1, д. 94, „Отчет В. В. Уляницкого Д. В. Философову о деятельности РПК к октябрю 1921 г.”, лл. 2–2 об.
- РГВА 1921 = Российский государственный военный архив (РГВА), Москва, ф. 461, оп. 1, д. 131, 132, 135, „Протоколы заседаний Малого совещания РЭК за 1921 г.”, лл. 19, 33.

Библиография

- Бялокозович 1988 = Бялокозович, Б[орис]: *Родственность, преемственность, современность*, В. А. Хорев (ред.), Москва 1988.
- Васильев 2009 = Васильев, А[лексей] Г.: „Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия. Фундаментальные проблемы культурологии” [в:] *Культурное наследие: От прошлого к будущему*, т. 6, Москва 2009: 56–68.
- Вендзягольский 1962 = Вендзягольский, К[арл] М.: „Савинков”, *Новый журнал*, 68 (1962): 190–214.
- Вендзягольский 1963 = Вендзягольский, К[арл] М.: „Савинков”, *Новый журнал*, 72 (1963): 168–197.
- Гомолицкий 1934 = Гомолицкий, Л[ео]н: „Литературные собрания” [в:] *Числа*, Н. Оцуп (ред.), кн. 10, Париж 1934: 242–245.
- Иванов 1987 = Иванов, В[ячеслав] И.: *Польский мессианизм, как живая сила*, т. IV, Брюссель 1987.
- Иванов 2002 = Иванов, И[горь] Б.: „Из истории Дня непримиримости”, *Вестник РОВС*, 3–4 (2002), <http://www.izput.narod.ru/iidn.html>.
- Колоницкий 1992 = Колоницкий, Б[орис]: „Д. В. Философов и его дневник. Предисловие к Дневнику Философова”, *Звезда*, 1 (1992).
- Лавринец 2006 = Лавринец, П[авел]: „Мотив неуспеха в поздней публицистике Д. В. Философова” [в:] *Literatura: Rusistica Vilnensis*, т. 48 (2), Vilnius 2006: 74–82.
- Лавринец 2006а = Лавринец, П[авел]: „Польская Великая эмиграция в публицистике и критике Д. В. Философова 1920-х – 1930-х гг.” [в:] *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: Век нынешний и век минувший: культурная рефлексия прошедшей эпохи*, ч. 2, Tartu 2006: 376–391.
- Мережковский, Гиппиус, Философов, Злобин 1922 = Мережковский, Д[митрий], Гиппиус, З[инаида] Н., Философов, Д[митрий] В., Злобин, В[ладимир] А.: *Царство Антихриста. Третья и четвертая тысяча*, München 1922.
- Отчет 1923 = „Отчет о работе РПКЭ за 1923 год”, *За свободу*, 97, 10 IV (1924).
- Р. П. Х. 1921 = Р. П. Х. (анонимно): „Мысли старого добровольца”, *Свобода*, Варшава, 41, 22 II (1921).
- Симонова 2001 = Симонова, Т[атьяна]: „Российская диаспора в Польше в 1920–1924 гг.” [в:] *Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.*, Ю. А. Поляков, Г. Я. Тарле (ред.), Москва 2001: 170–180.
- Симонова 2006 = Симонова, Т[атьяна]: „Специфика правового положения россиян в Польше в 1919–1928 гг.” [в:] *Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы*, Санкт-Петербург 2006: 256–258.

⁸⁰ Философов (1930).

⁸¹ Философов (1931).

- Симонова 2007 = Симонова, Т[атьяна]: „Дмитрий Философов – публицист и издатель”, *Славяноведение*, 4 (2007): 53–70.
- Симонова 2007а = Симонова, Т[атьяна]: „Мы бесподданные безгосударственники...”, *Родина*, 2 (2007): 75–81.
- Симонова 2008 = Симонова, Т[атьяна]: „Лига Наций и русские в Польше” [в:] *Материалы международной конференции Нансеновские чтения 2007*, М. Н. Толстой (ред.), Санкт-Петербург 2008: 77–106.
- Симонова 2009 = Симонова, Т[атьяна]: „Возвращенцы. Репатриация в Советскую Россию до 1925 года”, *Родина*, 4 (2009): 26–29.
- Симонова 2009а = Симонова, Т[атьяна]: „Русская эмиграция в Польше в 20–30-е гг. XX в. Некоторые аспекты проблемы сохранения национальной идентичности” [в:] *В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.)*, Т. А. Покивайлова (ред.), Москва 2009: 207–246.
- Симонова 2009б = Симонова, Т[атьяна]: „Философов Дмитрий Владимирович” [в:] *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия*, В. В. Журавлев (ред.), Москва 2009: 583–585.
- Симонова 2010 = Симонова, Т[атьяна]: „В поисках пути к «новой» России: лидер политической эмиграции в Польше Дмитрий Философов”, *Духовность*, 1: *Общее прошлое России и Польши: работа над ошибками*, Л. Е. Горизонтов (ред.), Сергиев Посад (2010): 171–201.
- Симонова 2011 = Симонова, Т[атьяна]: „Русские в Польской республике и Лига Наций” [в:] *Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг.*, Е. Ю. Сергеев (ред.), Москва 2011: 180–193.
- Симонова 2012 = Симонова, Т[атьяна]: *Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1920–1925)*, Москва 2012.
- Станиславский 2002 = Станиславский, В[ойчех]: „Русская эмиграция в Варшаве”, *Новая Польша*, 5 (2002), <http://www.novpol.ru/index.php?id=103>.
- Философов 1912 = Философов, Д[митрий] В.: *Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы*, Москва 1912.
- Философов 1921 = Философов, Д[митрий] В.: „Добрый почин финляндцев и ложь Горького с Андреевой”, *Последние известия*, 180, 26 VI (1921).
- Философов 1921а = Философов, Д[митрий] В.: „Задачи русской эмиграции. Доклад на заседании Союза Возрождения России 11. 02. 1921 г.”, *Свобода*, 34, 13 II (1921).
- Философов 1921б = Философов, Д[митрий] В.: „Комитет Союза Возрождения России в Варшаве”, *Свобода*, 43, 24 II (1921).
- Философов 1921с = Философов, Д[митрий] В.: „Небольшие итоги”, *Свобода*, 258, 30 X (1921).
- Философов 1921d = Философов, Д[митрий] В.: „Ответ Бурцеву”, *Свобода*, 34, 13 II (1921).
- Философов 1921е = Философов, Д[митрий] В.: „Ответ «Речи Посполитой»”, *Свобода*, 244, 14 X (1921).
- Философов 1921f = Философов, Д[митрий] В.: „Четыре года. К годовщине Февральской революции”, *Свобода*, 56, 12 III (1921).
- Философов 1923 = Философов, Д[митрий] В.: „Метод Рококо”, *За свободу*, 232, 12 X (1923).
- Философов 1924 = Философов, Д[митрий] В.: „Доклад по поводу 10-летнего юбилея Первой мировой войны”, *За свободу*, 210, 8 VIII (1924).
- Философов 1925 = Философов, Д[митрий] В.: „На реальную почву. Вопрос о русско-польском сближении”, *За свободу*, 81, 24 III (1925).
- Философов 1925а = Философов, Д[митрий] В.: „О докладе Серебренникова”, *За свободу*, 16, 18 I (1925).
- Философов 1925б = Философов, Д[митрий] В.: „О русских в Польше”, *За свободу*, 76, 19 III (1925).
- Философов 1925с = Философов, Д[митрий] В.: „Первый съезд русских деятелей по народному образованию”, *За свободу*, 80, 23 III (1925).
- Философов 1925d = Философов, Д[митрий] В.: „По поводу постановки С. Ан-ского «Дыбух»”, *За свободу*, 145, 5 VI (1925).
- Философов 1925е = Философов, Д[митрий] В.: „Рос-сика”, *За свободу*, 189, 20 VII (1925).
- Философов 1925f = Философов, Д[митрий] В.: „Славянская душа”, *За свободу*, 65, 8 III (1925).
- Философов 1925g = Философов, Д[митрий] В.: „Суд над русской Академической группой в Польше”, *За свободу*, 75, 16 III (1925).
- Философов 1925h = Философов, Д[митрий] В.: „Учительский съезд и польская политика”, *За свободу*, 100, 16 IV (1925).
- Философов 1926 = Философов, Д[митрий] В.: „Неугасимая лампада”, *За свободу*, 101, 2 V (1926).
- Философов 1926а = Философов, Д[митрий] В.: „Полоника”, *За свободу*, 218, 22 VIII (1926).
- Философов 1926б = Философов, Д[митрий] В.: „Полоника (Продолжение)”, *За свободу*, 219, 23 VIII (1926).
- Философов 1930 = Философов, Д[митрий] В.: „Уроки польского восстания”, *За свободу*, 324, 29 XI (1930).
- Философов 1931 = Философов, Д[митрий] В.: „Выступление Владьки Митрополита”, *За свободу*, 127, 14 V (1931).

- Философов 1932 = Философов, Д[митрий] В.: „Мицкевич в Турции. Два последние месяца жизни и смерть”, *Молва*, 113, 21 VIII (1932).
- Философов 1932а = Философов, Д[митрий] В.: „Последняя статья”, *За свободу*, 75, 3 IV (1932).
- Философов 1932б = Философов, Д[митрий] В. (Пустынник): „Встряска и самопроверка”, *За свободу*, 54, 6 III (1932).
- Философов 1934 = Философов, Д[митрий] В.: „Чего мы хотим? От чего зависит возрождение эмиграции?”, *Меч*, 1–2 (1934).
- Философов 1934а = Философов, Д[митрий] В.: „Чего мы хотим? От чего зависит возрождение эмиграции?”, *Меч*, 3–4 (1934).
- Философов 1992 = Философов, Д[митрий] В.: „Дневник”, Б. Колоницкий (ред.), *Звезда*, 1 (1992): 189–192; 2 (1992): 188–204; 3 (1992): 147–166.
- Хорев 2011 = Хорев, В[иктор] А.: „Вацлав Ледницкий о русской литературе” [в:] *Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты*, С. Гжибовский, В. А. Хорев, М. Волос (ред.), Москва 2011: 204–221.
- Czarnowski 1956 = Czarnowski, Stefan: *Kult bohaterów i jego społeczne podłoże. Święty Patryk, bohater narodu Irlandii*, Dzieła, T. IV, Warszawa 1956.
- Dąbrowska 1988 = Dąbrowska, Maria: *Dzienniki. 1933–1945*, T. Drewnowski (выбор, вступ. и прим.), Т. 2, Warszawa 1988.
- Janion 2006 = Janion, Maria: *Niesamowita słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury*, Kraków 2006.
- Pogonowska 2002 = Pogonowska, Ewa: *Dzikie biesy. Wizja Rosji Sowieckiej w antybolszewickiej poezji polskiej lat 1917–1932*, Lublin 2002.

Tatyana M. Simonova

Dmitry Filosofov in exile: dialogue of cultures and practices to combat

The formation of Dmitry Filosofov's personality took place in the atmosphere of traditional Russian culture, yet, his family held in equally high esteem the Polish culture. Filosofov, a political emigrant after the 1917 revolution, became one of the most famous cultural, social, and political activists of the Russian emigration in Poland. After the war (in 1921) Filosofov wanted to develop a “common positive cultural program” aimed at “shaping the Russian emigration”. As a model, he assumed the experience of Polish Great Emigration (Mickiewicz, Słowacki, Krasiński), as well as that of Wyspiański and Żeromski. Filosofov considered the fight for the rights of the Russian minority in Poland in the context of the mutual enrichment of Polish and Russian cultures one of the most important directions of his activity. Filosofov's political stance can be characterized as a consistent anti-Marxism. He extremely negatively evaluated the cause of the revolution of 1917, recognizing that the Russian soul was seized by “dog rabies” madness, while the outcome of the revolution would be the destruction of the Russian culture attained by the Bolsheviks. After Boris Savinkov left the political arena, Filosofov became the actual leader of the Russian emigration.